

Человечеству дана отсрочка, чтобы танцевать

Мировая премьера
Бежара в Москве

Вет. Москва-
1998. — 20 апр.
с. 5

Ольга ФУКС

«Я не люблю расизма в танце, поэтому представляю все различные школы», — сказал Морис Бежар, приехав в Москву после 20-летнего отсутствия. Бежара, утонченного европейца, в жилах которого течет африканская кровь (чем он безумно гордится, полагая, что его страсть к танцу — от Африки), самого дорогого хореографа, боготворящего классический танец и во многом взорвавшего его каноны, действительно трудно упрекнуть в расизме, в том числе и в «расизме» по отношению к другим видам сценического искусства, кроме танца.

Он не только ставит оперы и пишет стихи и пьесы, которые тоже ставит. Он и в сам танец добавляет самоигральные декорации и аксессуары, световые эффекты и слайды, даже речь — словом, все элементы шоу, в результате чего балетоманы могут наслаждаться техникой его труппы и изыском его хореографии, а менее искушенная публика — настоящим шоу с нехитрой, но сильной идеей.

Таким стал его балет «Метаморфозы» на музыку Джеки Глессона, Джона Зорна, Хьюго Ле Бара и Камиля Сен-Санса, чья почти мировая премьера (случай беспрецедентный) прошла на сцене Большого театра (до этого спектакль был показан только в Триесте, но сам Бежар считает тот показ генеральной репетицией).

В прологе задник сцены становится экраном для страшных кадров: выжженная земля, уродливый завод, водоплавающие птицы в залитой нефтью воде, которые даже не могут взлететь. Артисты становятся продолжением этого пугающего пейзажа — противогазы, мышинные комбинезоны от Джанни Версаче, с молниями, опоясавшими тела, как провода, с пластикой закованных в скафандры астронавтов, которая почти противостоит экспрессии танца. Эта земля обречена, и люди должны покинуть ее. Но они очень просят подождать кого-то, кто над ними (то ли Бог, который забирает их к себе, то ли капитан корабля, который должен умчать их в другую цивилизацию). И выкрикивают по-английски в глубину зала: «Еще не сейчас!», «Пожалуйста!», «Мы хотим танцевать!». Им дается отсрочка, и противогазы летят в пустую оркестровую яму, и срываются мышинные комбинезоны-скафандры одинаково обреченных людей. И нас обдает такой мощной волной чувственности, ностальгии и нежности, что сразу становится понятно, что такое Бежар даже тем, кто не видел его более значительных и более совершенных балетов.

Бежаровские пары танцуют так, как будто любят в последний раз, как будто в последний раз окунаются в теплое море, прежде чем вернуться в серую холод-

ную повседневность, как будто дурачатся напоследок, прощаясь с детством и зная, что взрослая жизнь уже наступила. В этот апофеоз радостного помешательства на фоне катастрофы Бежар включает один потрясающий эпизод-напоминание, вызывающий смех сквозь слезы. Под «Лебедем» Сен-Санса, иронизируя над традицией и восхищаясь ею, на сцене появляется девушка, к рукам которой привязана грудка каких-то гремящих при каждом движении предметов, похожих на консервные банки. Прекрасный лебедь Фокина, подстреленный на излете, был возвышенно-трагичен. Несчастный и даже не понимающий, что с ним произошло, лебедь Бежара не так безукоризненно красив, но от грациозно-пугливых движений этого гибнущего существа перехватывает горло. А люди отмахиваются от этого напоминания, недоуменно понаблюдав за агонией лебеда.

И все же кому-то этой отсрочки хватило, чтобы вся жизнь перевернулась. Один из претендентов на отлет в другое измерение (его танцует Жиль Роман, премьер бежаровской труппы) встречает женщину, чей образ будет преследовать его то в виде куклы, то в облике девочки, как две капли воды похожей на «ту, которая одна». И когда беспечное обреченное человечество начнет подниматься по трапу невидимого корабля и смеяться, расставаясь не только со своим прошлым, но и со своей сутью, он рванется к авансцене, крича по-русски: «Я остаюсь!». И увидит цветы на выжженной земле, и встретит девочку — ту самую, что перевернула всю его жизнь, и обретет свое счастье вопреки тому, что этот мир обречен.

«У меня даже Ромео не умирал, когда я ставил «Ромео и Юлию», наверное, это был единственный спектакль с таким концом. Я ведь такой дурачок-оптимист», — сказал о себе Морис Бежар, который не устает предлагать людям радостное видение трагического мира, хотя не снижает остроту глобальных вопросов в своей балетной философии.